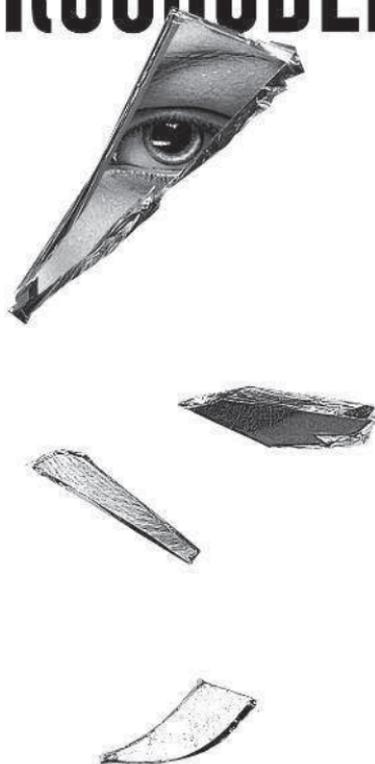

best
book
ever

Клэр Норт

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Н82

Серия «Best book ever»

Claire North
TOUCH

Перевод с английского *И. Моничева*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Little, Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Норт, Клэр.

Н82 Прикосновение : [роман] / Клэр Норт ; [пер. с
англ. И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 512 с. — (Best book ever).

ISBN 978-5-17-091680-1

Это случилось очень давно. Но я помню своего убийцу — он напал на меня на одной из темных улиц Лондона. Теряя сознание, я упала и коснулась его... Так произошло мое первое «переключение». Я стояла и наблюдала за собственной смертью глазами своего убийцы. Теперь я могу выбирать себе любое тело, любую жизнь — на день или на целые годы. Я могу быть кем угодно.

Так кто же я?

Я — никто.

Я — любовь.

Я — это вы.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-091680-1

© Claire North, 2015

© Перевод. И. Моничев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

ЖОЗЕФИНА ЦЕБУЛА УМИРАЛА, хотя умереть должна была я. Она получила две пули в грудь, одну в ногу. Казалось бы, на этом все должно было закончиться, однако стрелок перешагнул через ее готовое испустить дух тело и продолжал искать меня.

Меня.

Я съежилась внутри какой-то женщины с опухшими лодыжками и мягкими вялыми запястьями, наблюдая, как умирает Жозефина. У нее посинели губы, кожа побледнела, кровь вытекала из раны, будто нефть из скважины. При каждом выдохе, по мере того как кровь наполняла ее легкие, изо рта у нее появлялась розовая пена. Убийца уже двигался дальше, приподняв пистолет, высматривая подмену, прыжок, контакт, кожу, но публика на станции сейчас напоминала огромный косяк сардин, бросившихся в разные стороны при появлении акулы. Я побежала вместе с толпой, споткнулась в непрактичной обуви, не удержала равновесия и упала. Мои пальцы

коснулись ноги бородатого мужчины, седого, в коричневых брюках, который, вероятно, совсем недавно весело качал на коленях своих избалованных внуков. Но сейчас с искаженным от страха лицом он бежал, расталкивая незнакомых ему людей локтями и кулаками, хотя был, несомненно, очень добрым человеком.

В такие моменты используешь все, что можешь, и все стодится. Я плотнее стиснула его голень и прыгнула, беззвучно проникнув ему под кожу.

На мгновение я почувствовала себя неуверенно. Я только что была женщиной и вдруг стала мужчиной. Старым и испуганным. Но у меня теперь были крепкие ноги и полные воздуха легкие. Усомнись я в этом, не сделала бы ни движения. Позади меня женщина с опухшими лодыжками издала вскрик. Стрелок повернулся, оружие на изготовку.

Что он видит? Женщина упала на лестнице, а добрый старик пытается ей помочь. На мне белая шапочка хаджи. Я думаю о любви к своей семье, и доброту в уголках моих глаз не способен стереть никакой ужас. Рывком я подняла женщину на ноги, потащила ее к выходу, а потому убийца разглядел только мое новое тело, но не меня саму, и отвернулся.

Женщина, которой я была всего секунду назад, немного пришла в себя и всмотрелась в мое незнакомое лицо. Кто я такой? Почему решил помочь ей? Ответа она не находила. Ею владел только лишь страх. С воем испуганной волчицы она оттолкнула меня, оцарапав мне подбородок, и, вырвавшись из моих рук, побежала. Вверх, к квадрату света у начала лестницы — к полиции, к солнцу, к спасению. А позади нее был мужчина с пистолетом, с темно-русыми волосами и в пиджаке из синтетической ткани. Он не бежал, не стрелял, он только искал, искал кожу.

На ступенях растекалась кровь Жозефины. Кровь в ее горле издавала звук лопавшейся сладкой жареной кукурузы, едва слышный посреди шума станции.

Мое тело тоже было готово броситься бежать, тонкие стенки изношенного сердца часто ударялись о ребра впадой груди. Жозефина встретилась со мной взглядом, но она не узнала меня.

Я повернула назад. Подошла к ней. Встала на колени рядом, сжала ее руку у раны, что находилась ближе к сердцу, и прошептала:

— Ты выживешь. С тобой все будет хорошо.

В туннеле показался приближавшийся поезд. Я удивилась, что никто пока не догадался остановить движение. Впрочем, первый выстрел прозвучал всего тридцать секунд назад, и требовалось гораздо больше времени, чтобы все понять. Значительно больше, чем пережить эти полминуты.

— С тобой все будет хорошо, — солгала я Жозефине, шепча по-немецки прямо ей в ухо. — Я люблю тебя.

Вероятно, машинист прибывшего поезда не видел крови на ступенях, не разглядел матерей, прижимавших к себе детей, прятавшихся за серыми колоннами или ярко подсвеченными торговыми автоматами. Хотя он мог все заметить, но, уподобившись ежу, впервые увидевшему на дороге огромный цементовоз, настолько оцепенел, что оказался не способен на самостоятельное решение. В конце концов выучка взяла верх над непредвиденными обстоятельствами, и он начал торможение.

Слыша полицейские сирены наверху и видя поезд внизу, стрелок еще раз оглядел станцию, не нашел то, что искал, развернулся и побежал.

Двери поезда открылись, и он впрыгнул в вагон.

Жозефина Цебула умерла.

Я села в поезд вслед за убийцей.

Глава 2

ЗА ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА до своей смерти, когда пальцы незнакомого человека сжимали ее руку, Жозефина Цебула сказала:

— Это будет вам стоить пятьдесят евро в час.

Я сидела на краю гостиничной кровати, вспоминая, почему мне не нравился Франкфурт. Несколько красивых улиц были тщательно восстановлены после войны мэром, испытывавшим несокрушимую гордость за свой город, но время бежало чересчур быстро, город нуждался слишком во многом, а потому пришлось спешно возрождать четверть мили типичного немецкого китча, ознаменовавшего когда-то безвозвратно потерянную культуру, утраченный сказочный исторический архитектурный облик. Остальное тоже представляло собой монотонно скучные прямоугольные постройки в стиле 50-х годов, возведенные людьми, слишком занятыми другими заботами, чтобы придумать нечто более замысловатое и интересное.

И теперь серые железобетонные менеджеры компаний сидели среди серых железобетонных стен и обсуждали, скорее всего, тоже железобетон, поскольку о чем еще можно с энтузиазмом совещаться во Франкфурте? Они пили едва ли не самое плохое пиво, какое только можно найти во всей Германии, в самых скучных барах Западной Европы, ездили на автобусах, ходивших точно по расписанию, платили тройной тариф за поездку в такси до аэропорта, чувствовали себя вымотанными уже по прибытии сюда и радовались, улетая домой.

И здесь же находилась Жозефина Цебула, сказавшая:

- Пятьдесят евро. Цена не обсуждается.
- Сколько тебе лет? — спросила я.
- Девятнадцать.

— Сколько тебе лет на самом деле?

— А сколько вам будет угодно?

Я рассмотрела ее платье, выглядевшее достаточно дорогим: тонкая ткань была местами намеренно надорвана, что являлось последним писком моды. Застежка-молния располагалась сбоку, упираясь ей в ребра и обрисовывая выпуклость небольшого животика. Сапоги туго стягивали икры, причиняя очевидное неудобство, поскольку плоть под коленями буквально вываливалась из них округлыми кольцами. Каблуки тоже казались высоковатыми для ходьбы и мешали даже нормально сидеть. Мысленно я сняла с нее всю эту безвкусицу, заставила поднять подбородок чуть выше, смыла дешевую краску с ее волос и пришла к выводу, что, вообще говоря, она была красива.

— Откуда ты родом? — спросила я.

— А что?

— У тебя не чисто немецкий выговор. Полька?

— К чему столько вопросов?

— Ответь на них и получишь триста евро прямо сейчас.

— Сначала покажите деньги.

Я выложила деньги — одну за другой несколько новеньких бумажек достоинством в пятьдесят евро — на пол между нами.

— Мне достанется только сорок процентов.

— У тебя плохой сутенер. Это грабеж.

— А вы не из полиции?

— Нет.

— Священник?

— Ничего подобного.

Ей хотелось смотреть на деньги, гадая, сколько еще осталось в моем кошельке, но она не сводила с меня глаз.

— Тогда кто же вы?

Я задумалась.

— Пожалуй, путешественник, — ответила я после паузы. — Хочу сменить обстановку. У тебя на руках пятна. Колешься?

— Нет. Кровь сдавала.

Это была ложь, причем такая, что не стоило даже вступать в дебаты по этому поводу, — откровенно слабое вранье и по задумке, и по исполнению.

— Могу я взглянуть?

Ее взгляд метнулся в сторону купюр на полу. Она протянула мне обе руки. Я рассмотрела синяк у сгиба локтя, прощупала кожу, такую тонкую, что даже удивилась, когда мое прикосновение не оставило следов, и убедилась в отсутствии признаков серьезной зависимости.

— Я чистая, — пробормотала она, снова не сводя глаз с меня. — Совершенно чистая.

Я отпустила ее руки. Она обхватила себя за плечи.

— Но только я не занимаюсь всякими глупостями.

— Какими глупостями?

— Типа — не сажу и не веду пустых разговоров о жизни. Вы здесь по делу, и я здесь по делу. Так давайте уже переходить к нему.

— Хорошо. Мне нужно твое тело.

Она пожала плечами: тоже мне новость!

— За три сотни могу остаться на всю ночь, но только должна предупредить охрану.

— Нет. Не на одну ночь.

— Так на сколько? Я не ввязываюсь в длительные отношения.

— На три месяца.

Жозефина делано рассмеялась; она явно забыла, как смеются по-настоящему.

— Вы рехнулись?

— На три месяца, — повторила я. — Десять тысяч евро по завершении нашего контракта, новый паспорт, новая личность и новая жизнь в любом городе по твоему выбору.

— А что вы хотите взамен?

— Я же сказала: твое тело.

Она отвернулась, чтобы я не заметила выражения страха на ее лице. Какое-то время она обдумывала ситуацию: деньги у ног, незнакомец, сидящий на краю ее постели. Потом произнесла:

— Расскажите подробнее. Мне нужно знать больше, прежде чем принять решение.

Я протянула к ней руку ладонью вверх:

— Возьмись за меня. Сейчас все покажу.

Глава 3

ЭТО ПРОИЗОШЛО три с половиной месяца назад.

Теперь Жозефина была мертва.

Станция «Таксим» ничем не примечательна, чтобы советовать посетить ее. По утрам сонные пассажиры толкаются, проезжая под Босфором в мокрых от духоты рубашках в переполненных поездах, связывающих Йеникой и Левент*. Затем студенты в футболках с изображениями панк-рок-групп, в мини-юбках и ярких головных платках едут на метро в сторону холма Галата, к кофейням Бейоглу, к магазинам, торгующим айфонами, и на грязноватую улицу Сираселвилер, где никогда не закрываются

* Наиболее известные районы Стамбула. — *Здесь и далее примеч. пер.*

двери и не гаснут огни витрин модных бутиков. По вечерам матери забирают детей из яслей, усаживая по два в одну прогулочную коляску, их мужья шагают с работы, помахивая портфелями, и, конечно же, кругом толпятся туристы, которым совершенно не приходит в голову, что это рабочий город. Их неизменно интересует фуникулер, в кабину которого они набиваются до отказа, а потом чуть не теряют сознание от запаха пота.

Таков ритм жизни оживленного мегаполиса, а потому присутствие в поезде убийцы с пистолетом, скрытым под черной бейсбольной курткой, чуть наклонившего голову, но державшегося уверенно и спокойно, не привлекает внимания, когда поезд метро покидает станцию «Таксим».

Я — добродушный старик в белой шапочке. У меня аккуратно подстриженная борода. Мои брюки лишь самую малость испачкались в крови, когда я привставала на колени рядом с женщиной, которая теперь была мертва. Никто бы не догадался, что всего шестьдесят секунд назад я бежала по станции «Таксим», спасая свою жизнь, — лишь вены слегка взбухли на шее и липко блестит лицо.

А всего в нескольких метрах от меня, то есть достаточно далеко, если считать количество разделявших нас тел, стоял мужчина с пистолетом под курткой, и ничто не указывало, что он только что хладнокровно расстрелял женщину. Бейсболка с натянутым на глаза козырьком говорила о том, что он болельщик «Гюнгоренспора» — местной футбольной команды, никогда не выигрывавшей и лишь неизменно подававшей надежды. Кожа у него светлая. Совсем недавно она была опалена жарким южным солнцем, но загар почти сошел. Между нами располагалось примерно тридцать других пасса-

жиров, которых болтало из стороны в сторону на каждом повороте. Через несколько минут полиция прекрест движение на линии до Санайи. Через несколько минут кто-нибудь заметит кровь на моей одежде и красные следы, которые я оставляла, делая каждый шаг. Еще не поздно бежать. Я же наблюдаю за мужчиной в бейсболке.

Он тоже спасался бегством, но другим способом. Его целью было смешаться с толпой, и в самом деле — в глаубоко надвинутой кепке, с ссутуленными плечами он выглядел обычным пассажиром, вовсе непохожим на убийцу.

Я двинулась по вагону, осторожно ступая, стараясь не задеть других людей, словно играла в твистер в чужой молчаливой компании, где все избегают встречаться взглядом друг с другом.

На станции «Османбей» вагон не только не опустел, но, наоборот, в него втиснулась новая толпа пассажиров. Убийца смотрел в окно на темный туннель, одной рукой ухватившись за металлический поручень сверху, а вторую держа под курткой. Палец его, вполне вероятно, все еще лежал на курке. У него был сломан, а потом восстановлен нос, но случилось это уже давно. Имея высокий рост, он тем не менее не казался гигантом. Опущенная голова и поникшие плечи помогали добиться такого впечатления. Худой, но не тощий, солидный, но не массивный, напряженный, как тигр, хотя с виду ленивый, как домашняя кошка. Юноша с теннисной ракеткой под мышкой случайно толкнул его, и киллер вскинул голову, а рука под курткой сжалась. Но молодой человек уже смотрел в другую сторону.

Я протиснулась мимо женщины-врача, возвращавшейся домой с работы, больничный пропуск болтался у нее на груди, с фотографии смотрело хмурое лицо пес-

симистки, всегда готовой сообщить вам самое худшее. Мужчина в бейсболке стоял теперь всего в трех футах от меня. Плоский затылок, линия волос срезана точно над верхним позвонком.

Поезд начал торможение, и мужчина снова поднял голову, осматривая вагон. Его взгляд уперся в меня.

Вот он, момент. Сначала каменное ничто — просто встреча незнакомцев в поезде, лишенная какой-либо взаимной заинтересованности. Потом вежливая улыбка, потому что я все-таки был милым стариком и моя жизненная история была написана на моем лице. После этой улыбки он рассчитывал на мое исчезновение. Контакт состоялся, мгновение миновало и забылось. Наконец его взгляд поймал мои руки, которые уже поднимались к его голове, и его улыбка померкла, когда он заметил кровь Жозефины Цебулы, запекшуюся коричневыми полосами на моих пальцах. Он успел лишь открыть рот, начав доставать пистолет из переброшенной через плечо кобуры, но я уже протянула руку, мои пальцы сомкнулись у него на шее, и я совершила переход.

Секундное замешательство. Бородатый старик с окровавленными руками, стоявший передо мной, потерял равновесие, покачнулся, тяжело оперся на юношу с теннисной ракеткой, ухватился за поручень вагона, взгляделся в меня и, когда поезд остановился на станции «Сисли Месидийекой», с удивительной при таких обстоятельствах отвагой выпрямился, ткнул пальцем в мое лицо и выкрикнул:

— Убийца! Убийца!

Я снова вежливо улыбнулась, уже полностью затолкав пистолет в кобуру, и, как только двери у меня за спиной открылись, выскочила в толпу на станционной платформе.

Глава 4

СИСЛИ МЕСИДИЙЕКОЙ — это район, принесенный в жертву богам глобального однообразия. От белых торговых галерей, где продавали дешевое виски и дивиди о жизни пророка Магомета, до многоэтажек для семей, у которых достаточно денег, чтобы считаться обеспеченными, но слишком мало для приобретения эксклюзивного жилья, Сисли был районом яркого света, бетона и монотонности. Одинаковая усредненная состоятельность, одинаковые амбиции, одинаковая коммерция, одинаковые галстуки и одинаковая плата за парковку.

Если бы меня попросили найти место, где бы можно было спрятать убийцу, я бы едва ли рекомендовала это. Но что поделаешь...

«Убийца! Убийца!» — голос из поезда продолжал звенеть у меня за спиной.

В окружавшей меня толпе сбитые с толку люди уже начали обращать внимание на шум и пытались понять, насколько серьезные последствия это могло иметь для каждого из них. На моих ногах оказалась пара удобной обуви. Я побежала.

Торговый центр «Севахир» — привлекательный, как известняк, романтичный, как герпес, — мог бы находиться в любой точке мира. Выложенный белой плиткой пол и стеклянные потолки, правильные геометрические формы балконов и этажей, покрытые фальшивым золотом колонны. Среди названий магазинов и кафе преобладали «Адидас» и «Селфриджес», «Мазеркэйр» и «Дебенхамс», «Старбакс» и «Макдоналдс». Единственная уступка местной культуре — кофе-бургеры и мороженое с яблоками и корицей в пластмассовых стаканчиках.

